

**ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СТАТУСА ЛИЦ,
СТРАДАЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ
(ЗАБОЛЕВАНИЯМИ), В СТАТУТЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО 1588 ГОДА**

И. И. Лапцевич

*Национальный центр законодательства и правовых исследований Рес-
публики Беларусь, г. Минск, Беларусь*

Институт принудительных мер безопасности и лечения не является новым для современного белорусского уголовного права. Первым источником, который упоминает о лицах, страдающих психическими расстройствами (заболеваниями), является Статут Великого княжества Литовского 1588 г., определивший ряд прогрессивных для того времени положений, актуальность которых и в настоящее время не вызывает сомнений.

**ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦЫЯ СТАТУСУ АСОБ, ЯКІЯ
ПАКУТУЮЦЬ ПСІХІЧНЫМІ РАССТРОЙСТВАМІ
(ЗАХВОРВАННЯМІ), У СТАТУЦЕ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА
ЛІТОЎСКАГА 1588 ГОДА**

І. І. Лапцэвіч

*Нацыянальны цэнтр заканадаўства і прававых даследаванняў
Рэспублікі Беларусь, г. Мінск, Беларусь*

Інстытут прымусовых мер бяспекі і лячэння не з'яўляецца новым для сучаснага беларускага крымінальнага права. Першай крыніцай, якая згадвае пра асоб, якія пакутуюць псіхічнымі расстройтвамі (захворваннямі), з'яўляецца Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г., які вызначыў шэраг прагрэсіўных для таго часу палажэнняў, актуальнасць якіх і ў цяперашні час не выклікае сумненняў.

**LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF PERSONS WITH
MENTAL DISORDERS (DISEASES), THE STATUTE OF THE
GRAND DUCHY OF LITHUANIA 1588**

I. I. Lapceвич

*National Center of Legislation and Legal Research of the Repub-
lic of Belarus, Minsk, Belarus*

The institution of compulsory measures of security and treatment is not new for modern Belarusian criminal law. The first source that mentions persons suffering from mental disorders (diseases) is the Statute of the Grand Duchy of Lithuania 1588, which determined a number of progressive provisions for that time, the relevance of which is still undoubted today.

Статут Великого княжества Литовского 1588 г. (далее – Статут) – памятник права, по своему уровню и значимости стоящий в одном ряду с важнейшими историческими законами Западной Европы. Прогрессивная политико-правовая мысль XVI в., нашедшая отражение в его положениях, свидетельствует о богатой правовой культуре белорусского народа, представители которого принимали непосредственное участие в создании этого знаменитого закона [1, с. 27].

Весьма прогрессивные для своего времени положения Статут содержал относительно лиц, страдающих психическими заболеваниями (невменяемых, сумасшедших, шаленых). Закон определял три основные направления регламентации их правового статуса применительно к разным отраслям права:

– в разделе четвертом «О судьях и о судах» в артикуле 78 «Кто не может быть допущен к свидетельствованию»: «... не должны свидетельствовать ... сумасшедший, то есть который ума не имеет»;

– в разделе восьмом «О завещаниях» в артикуле 1 «Кто имеет и не имеет права делать завещание о своем движимом имуществе»: предусматривается перечень лиц, «которые в соответствии с правом ничем свободно не владеют, поэтому эти лица завещанием ничего никому отказать не могут», к ним относятся и «... сумасшедшие люди, которые бы рассудок теряли». Однако в этой же норме предусматривается оговорка: «однако и те, когда в здравый и совершенный ум придут, вправе завещание составлять»;

– в разделе одиннадцатом «О насилиях, побоях и головщинах шляхетских» в артикуле 35 «Кто может быть свободен от наказания за совершение убийства и о сумасшедших» [4, с. 197, 247, 396, 415, 434].

Вопросам уголовно-правового характера посвящен артикул 35 одиннадцатого раздела Статута. Законом определено само понятие невменяемости, закреплено правовое положение, категории, особенности уголовной ответственности лиц, страдающих психическими заболеваниями, перечислены принудительные меры безопасности и основания их применения, установлены основания назначения наказания лицам, признанным невменяемыми судом, определен вид и размер наказания, отражены особенности института соучастия, выделена категория лиц с «временным расстройством психики».

Законодатель не закрепил четкого определения понятия невменяемости, однако обозначил ее медицинский критерий. Так, в соответствии с положениями Статута, невменяемыми признавались лица, которые «по Божьему допущению лишились разума» [2, с. 116; 4, с. 434].

Учитывая особенности поведения лиц, признанных невменяемыми, законодатель не мог игнорировать интересы обеспечения безопасности общества и разработал ряд мер безопасности, которые в обязательном порядке должны были реализовываться в отношении таких лиц. Следует отметить, что положения закона распространялись не на всех лиц, страдающих психическими заболеваниями. Анализ норм Статута показывает, что они применялись только в отношении наиболее опасных невменяемых и при наличии следующих оснований: 1) по решению суда – при совершении

такими лицами преступлений, предусмотренных законом: убийства, причинения телесных повреждений, 2) при существовании потенциальной опасности совершения невменяемыми убийства и причинения телесных повреждений, т. е. в предупредительных целях [3, с. 434].

Уголовные дела о совершении лицом, признанным невменяемым, убийства или причинении телесных повреждений рассматривались судом, однако если такое лицо совершило преступление впервые, то оно освобождалось от уголовной ответственности и наказание к нему не применялось.

Опасные для общества лица, признанные невменяемыми, изолировались и содержались под строгим надзором. Однако лечение таких лиц не предполагалось. Нормы Статута распространялись на всех без исключения лиц, независимо от их социального статуса, дифференцировался лишь сам порядок применения мер безопасности в зависимости от материального положения лица, страдающего психическим заболеванием: 1) при наличии имущества «таковые ... родственниками и слугами своими содержимы быть должны в крепком заточении и при добрых сторожах»; 2) при отсутствии имущества «вряд наш местный, где это случится, а в имениях княжеских, панских сами паны или их врядники, в заключении содержать обязаны» [4, с. 434].

Уголовной ответственности подлежали наиболее опасные лица, признанные невменяемыми, которые, «вырвавшись из заключения», повторно совершили убийство или причинили телесные повреждения («ранил») лицу. Наказание таким лицам назначалось в обязательном порядке и только в виде лишения свободы – тюремного заключения, при этом сроки отбывания наказания ранжировались в зависимости от характера совершенного преступления и наступивших последствий: 1) при совершении убийства: «на дне башни год и шесть недель ... сидеть должен»; 2) при причинении телесных повреждений («причинении ран»): «полгода в более легком заключении сидеть должен» [4, с. 435].

О достаточно внимательном подходе законодателя к закреплению максимально возможных вариантов преступного поведения применительно к рассматриваемому институту свидетельствует регламентация правового положения лиц, совершивших преступление в соучастии (подстрекателя и пособника) с невменяемым: «... А если бы кто такому сумасшедшему дал оружие или к преступлению побудил словами...». Соучастники подлежали уголовной ответственности и подвергались наказанию на общих основаниях («...тогда он сам по тяжести совершенного преступления за это обязан быть наказан...»). Статут также предусматривал возможность освобождения подстрекателя от уголовной ответственности, которая предполагалась только в том случае, если «обвиненный в этом присягой очистится» [4, с. 435].

Еще одним аспектом, характеризующим прогрессивность юридической мысли того времени, является закрепление в Статуте понятия «временное расстройство психики» («если бы кто сошел с ума, но затем в здравый полный рассудок пришел, а после бы возобновилось бы тоже самое и он опять бы начал сходить с ума» [4, с. 435]) [3, с. 66], а также определение мер безопасно-

сти, применяемых к таким лицам, оснований их применения. Закон делегировал обязанность самому лицу, «зная о таких припадках», принять все необходимые меры для обеспечения безопасности иных лиц в случаях, если «он бы опять начал сходить с ума»: «возле себя присмотр и сторожа иметь и предосторожность соблюдать». В случае игнорирования установленной обязанности и совершении убийства, виновный подлежал уголовной ответственности и наказывался «смертью и выплатой головщины» [4, с. 435].

В настоящее время, актуальность положений Статута о лицах, страдающих временным расстройством психики, обусловлена проблемой совершения общественно опасных деяний под воздействием «дизайнерских наркотических средств» (спайса) и психотических переживаний вследствие алкогольных психозов. В среде юристов-практиков и судебных психиатров часто возникает полемика о необходимости введения наказания вместо принудительных мер безопасности и лечения за совершение общественно опасного деяния в таком состоянии, поскольку привлекаемые к уголовной ответственности лица знали о возникновении таких состояний и не предприняли никаких мер для обеспечения безопасности окружающих. Вместе с тем, как отмечает В. Дукорский, группа «временных расстройств психики» является самой сложной составляющей медицинского критерия невменяемости и одной из самых актуальных проблем судебной психиатрии в плане диагностики, доказывания и экспертной оценки [3, с. 66].

Подводя итог, следует отметить, что положения Статута, распространяющиеся на лиц, страдающих психическими заболеваниями и признанных невменяемыми, отличались гуманностью не только в сравнении с установленной законом уголовной ответственностью по отношению к иным лицам, совершившим аналогичные преступления, но и с мерами, применяемыми к невменяемым в тот период в Европе. Законодательство средневековой Европы предусматривало более жесткую регламентацию «правового» положения таких лиц. Ставя во главу угла интересы общественной безопасности, права лиц, страдающих психическими заболеваниями, игнорировались вовсе. Невменяемые содержались в строгой изоляции от общества в тюремных условиях. Нередко такие лица признавались одержимыми дьяволом и сжигались на костре.

Прогрессивные положения Статута были востребованы и применялись на протяжении длительного времени, оказали положительное влияние на становление законодательства и формирование судебной практики соседних стран, вызывают научный интерес в настоящее время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Довнар, Т. И. Выдающийся европейский памятник права XVI ст. : [о Статуте 1588 г.] / Т. И. Довнар // Право и демократия : межвузовский сборник научных трудов / редактор В. М. Хомич (гл. ред.). – Минск. – Вып. 24. – С. 15–27.
2. Довнар, Т. И. История развития уголовного законодательства Беларуси / Т. И. Довнар // Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т. 1 : Учение о преступ-

лении / С. В. Ананич [и др.] ; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск, Изд. центр БГУ, 2018. – Гл. 3. – С. 107–162.

3. Дукорский, В. Кодификация передовых судебно-психиатрических идей в Статуте Великого княжества Литовского 1588 года / В. Дукорский // Законность и правопорядок. – 2015. – № 3. – С. 64–66.

4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. / Бел. Сав. Энцыкл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 573 с.